

Отзыв

на автореферат диссертации Селезнева Юрия Васильевича
«Русские князья в политическом аспекте Джучиева Улуса (Орды)»
(Воронеж, 2014. 47с.), представленный к защите на соискание ученой
степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 –
Отечественная история.

Актуальность представленной к защите диссертации Ю.В.Селезнева не вызывает сомнений – вопрос о месте русских князей в политической системе Улуса Джучи (Золотой Орды) относится к числу недостаточно изученных, в том числе и из-за существования в России историографической традиции (С.М. Соловьев и др.), чьи сторонники предпочитали рассматривать ордынское влияние на развитие русских княжеств в XIII-XIV вв. как исключительно внешний фактор. Между тем политический статус земель, прежде всего Северо-Восточной Руси, следовательно, и русской политической элиты, XIII-XV вв. невозможно изучать вне системы, политических связей, существовавших в рамках Золотой Орды. Проблемой конечно до сих пор, если отвлечься от сознательного стремления абстрагироваться от «татарского фактора» в российской истории, осталось нахождение количественных показателей, раскрывающих степень вовлеченности русских князей, в первую очередь, их верхней страты, в политическую жизнь Улуса Джучи. По большому счету, именно преодоление этой исторической лакуны в российской историографии и посвящено рассматриваемое в диссертационное исследование.

Работа Ю.В. Селезнева состоит из 4-х глав, введения, заключения и библиографии. Как можно понять на основе анализа текста автореферата на этой диссертации. Структура исследования выстроена согласно цели и задач, сформулированных диссертантом (с.3, 7). Если глава 1 диссертации посвящена обзору литературы и источников, другие главы нацелены на решение основных задач, поставленных диссертантом. При этом Ю.В.

Селезнев стремится проследить как общую динамику изменения зависимости русских земель от ордынского хана. Так и изменение положений русской элиты – князей в Золотой Орде в XIII-XV вв. Важно отметить, что в отличие от работ прежних лет в настоящем труде эта динамика рассматривается на основе конкретно-статистической информации (частота и время пребывания русских князей в ордынской ставке, процедуры приезда, отъезда русских князей и хану, особенности аудиенции, состав сопровождения и т.д.), детального анализа достаточно представительной источниковой базы по теме исследования. Вследствие этого основания выводы диссертанта представляются в научном плане аргументированными в достаточной степени и могут быть приняты. Но в то же время некоторые положения диссертации, нашедшие отражение в автореферате, кажутся дискуссионными.

Скажем, вполне соглашаясь с Ю.В. Селезневым в том, что «ордынская элита в XIII-первой трети XV в. представляет собой сложную социальную структуру», имевшую иерархическое строение, когда «элитарный» слой золотоордынского общества, ограничивающаяся Чингисидами, эмирами, находившимися членами «Алтын Урда» в родстве по женской линии, а также темниками и тысячниками (великий эмир), вряд ли можно согласиться с тем, что «к этой же страте необходимо отнести и большинство представителей... аристократии завоеванных стран», включал и представителей верхнего слоя русских княжеств (с.30). Уточняя приведенное положение, диссертант отмечает, что «русская знать оказалась включена в систему взаимодействия элиты Джучиева Улуса на правах улусных владений (темников и тысячников)» (с.34).

При такой постановке вопроса исчезает разница между элитой вассальных территорий и элитой собственно «монголо-татарского народа», маркируемый в целом как «татарские князья». Дело в том, что первые были включены в систему выплачивания дани (даже если как политически

ответственные за ее взимание лица), получение ярлыков на княжение, но не принимали прямого участия в принятии решений политического характера (например, наследование власти), управленческих решений, подготовка военных и параллельных походов и т.д., что было прерогативой собственно ордынской элиты. Представители других этнических групп в лучшем случае были пассивными участниками церемоний интронизации, некоторых общественно-значимых мероприятий (курултаем и т.п.), хотя и могли быть вовлечены в военные акции как их участники. При обсуждении данной проблемы не следует забывать о том, что золотоордынское общество в своем политическом ядре было сообществом клановым и место в политической иерархии определялось в связи с весом того или иного клана, поэтому, в эту структуру «чужие» не могли быть вписаны. В то же время понятно, что подобная иерархизация в значительной мере была основана ментальности того времени и с течением времени могла меняться. Скажем, замужество Чингисидок за некоторыми русскими князьями объективно делают их гургенами, вводя в семейный круг джучидской знати. Но даже в этом случае сохранялась культурная дистанция, основанная в том числе и на религиозных различиях элит.

Далее, когда диссертант выводит к основам политической культуры, которую русские князья усваивали, из соотношения времени их нахождения в Орде и у себя дома, полагая, что те большую часть своей жизни все же проводили в своих княжествах, а посему «ордынское влияние на внутривосточные процессы на Руси в данное время нельзя считать определяющим» (с.34), это положение не относится к хорошо фундированным, скорее мы тут имеем дело с некоторым оценочным суждением в стиле С.М.Соловьева и прочих. Ясно, что с подобной постановкой вопроса не согласились бы все без исключения сторонники евразийской школы. К тому же следует подчеркнуть, что усвоение золотоордынской политической культуры происходило не столько в ханской ставке, но и, в случае необходимости, стороны появлялись и на русских

землях, в ряде случаев преподнося уроки политического характера весьма суровыми методами. Были и иные механизмы политического влияния на русские княжества и их элиту в раннее время это институт баскаков, в более поздний период институт «дарати» («московский дарата Мин-Булат и т.д.). Наконец, возможность контроля за русскими князьями через механизм инвеституры, позволявший держать нить контроля над ними (в ордынской ставке (мы знаем множество примеров конкуренции между русскими князьями за великокняжеский престол), также являлось существенным элементом политической культуры, пронизывавшей в XIII-XV вв. русское общество. Далек не случайны бытующие в западной историографии, да и характерные для отечественной евразийской школы, взгляды о весьма сильном влиянии ордынской политической традиции на формирование русской политической культуры.

В целом, несмотря на высказанные выше дискуссионные моменты, считаем, что в автореферате диссертанта вполне корректно отражено основное содержание рассматриваемого исследования, а задачи, поставленные в нем, достигнуты в полной мере. Содержание диссертации отражено в монографических работах и в большом числе статей, что свидетельствует о том, что мы в данном случае имеем дело с этапным и зрелым трудом. Исходя из сказанного, можно сформулировать наше общее замечание: Юрий Васильевич Селезнев за диссертацию «Русские князья в политической системе Джугиева Улуса (орды)»- заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история

Главный научный сотрудник /Д.М.Исхаков/

Института истории им.Ш.Марджани АН РТ

доктор исторических наук

